

Экспозиция произведений Александра Николаевича Волкова в Государственной Третьяковской галерее посвящена 120-летию со дня его рождения. Открытая спустя 40 лет после персональной выставки художника в Москве, она впервые столь полно знакомит зрителя со всеми этапами его творческого пути. Здесь представлены произведения из музеев России, частных коллекций и собрания потомков мастера.

Основу экспозиции составляют работы из фондов Третьяковской галереи, имеющей замечательную коллекцию (37 живописных и 49 графических произведений). Первые произведения были приобретены у автора в 1934 году с выставки художников Узбекистана в Москве. В дальнейшем – у наследников живописца, графика, поэта. В 1968 году после персональной выставки в Москве у Волкова была приобретена наиболее известная его картина «Гранатовая чайхана».

Имя А.Н.Волкова одновременно принадлежит двум культурам – узбекской и русской, и хорошо известно любителям искусства. Его работы постоянно присутствуют в экспозициях Государственной Третьяковской галереи, Государственного музея искусства народов Востока, Государственного музея искусств Узбекистана и Государственного музея искусств Каракалпакии в Нукусе, участвуют в международных выставочных проектах, пользуются вниманием коллекционеров.

Русский по национальности, Александр Николаевич родился, жил и работал в Узбекистане. Однако становление его как художника прошло в трех крупнейших культурных центрах – Петербурге, Москве и Киеве. Здесь он учился у известных русских мастеров, среди которых – В.Е.Маковский, Н.К.Рерих, И.Я.Билибин.

В Киеве наиболее сильное впечатление на молодого художника произвели мозаики Софии Киевской и росписи М.А.Врубеля в Кирилловской церкви. Духовный опыт Византии, воспринятый сквозь призму мифотворчества Врубеля, открыл для него новые пути.

Соприкосновение с новейшими течениями в современном французском искусстве, интерес к которому возник у Волкова при посещении частных собраний И.Морозова и С.Щукина в Москве, а также практика русских авангардистов, воспринятая им сквозь призму декоративного искусства Востока, позволили мастеру создать свой неповторимый живописный язык.

Кубистические сдвиги форм и футуристическое разложение динамических ритмов наиболее ярко выражены в цикле караванных композиций художника.

Соединяя традиции народного примитива с библейскими и суфистскими мотивами восточных религий, Волков создает цикл картин философского содержания, заключающих в себе всю таинственность и загадочность Востока.

Поэтические качества личности Волкова, выраженные в его стихотворных циклах 1920-х годов, присутствуют и в полотнах, посвященных народной жизни и природе Туркестана. Введение музыкальных ритмов в живописные композиции позволяет Волкову передать всю экспрессию и яркость восточного быта.

Нетронутая, загадочная страна, следы древних цивилизаций, патриархальный уклад и особенности жизни – все это, ради чего многие европейские и русские художники совершали «паломничество в страну Востока», было для Волкова естественной средой творчества. Его путь был иным – с Востока на Запад, для того чтобы снова вернуться сюда. Возможно, этот «маршрут» определил особые качества его искусства, искусства органического проникновения в «восточную сказку».

Художник выработал свои живописные приемы, позволившие ему обрести те насыщенность, глубину и свечение красок, которые делают А.Н.Волкова непревзойденным мастером «Гранатовой чайханы» и прекрасным колористом.

Татьяна Ермакова

Наталья Апчинская

ЦВЕТ ГРАНАТА

На пригласительном билете, воспроизводящем репродукцию картины А.Н.Волкова «Свадьба» (1927), трубач в красном образует вместе со стоящими рядом узбеками в синем и зеленом одеяниях живописное трезвучие. Среди длинного ряда лиц, погруженных в созерцание тайн бытия, можно разглядеть и лицо автора работы (второй справа).

Свадьба. 1927
Холст, масло,
темпера, лак
54×225
ГТГ

The Wedding. 1927
Tempera, oil and
lacquer on canvas
54 by 225 cm
State Tretyakov Gallery

Александр Николаевич Волков (1886–1957), вся творческая жизнь которого практически протекала в Средней Азии, являлся создателем в целом чуждых мусульманскому Востоку станковых живописных и графических произведений. В них он стремился показать в живых образах неповторимую красоту родного края, соединив при этом восточные и западные художественные и духовные традиции. Туркестан предстает у него полным несравненной, подлинно эпической мощи. В горящих красках живописной материи оживают всепроникающие природные стихии Азии – стихия огня, источником которой явля-

ется солнце, и стихия земли. Своей светоносностью цвета произведения Волкова конца 1910-х – начала 1920-х годов напоминают витражи. Персонажи сочетают почвенную силу с кроткой покорностью судьбе и умением обрести полноту существования в замкнутом пространстве.

А.Н.Волков, сын русского военного врача и, по преданию, цыганки, которую девочкой подобрал русский военный отряд, родился в г. Скобелеве (ныне Фергана). По долгу службы отец Александра постоянно разъезжал с семьей по всей территории Туркестана. С детства будущий живописец впитал в себя красоты среднеазиатской природы и своеобразие искусства – от цветущей Ферганской долины, лежащей в чаще столь любимых Волковым гор, до полных грозного величия туркменских пустынь и от узбекских и таджикских ослепительных вышивок, шелков и керамики до туркменских ковров – этой несравненной «живописи шерстью».

После окончания в 1916 году Киевского художественного училища

Чайхана.
Начало 1920-х
Картон, смешанная
техника. 26,5×33,5
ГТГ

Chaikhana. Early 1920s
Mixed technique on
cardboard
26.5 by 33.5 cm
State Tretyakov Gallery

Горный пейзаж.
1917
Холст, масло
49×66
ГТГ

Mountain View.
1917
Oil on canvas
49 by 66 cm
State Tretyakov Gallery

The exhibition of works by Alexander Volkov at the Tretyakov Art Gallery marks the 120th anniversary of the artist's birth, and is held 40 years after his last solo show in Moscow. It introduces viewers to the full range of his creative work, presenting works from Russian museums, private collections, and also his family's collection.

Its basis comes from his pictures from the collection of the Tretyakov Art Gallery (37 paintings and 49 graphic works). Volkov's first pictures were acquired by the Gallery from him in 1934, when there was an exhibition of works of artists from Uzbekistan in Moscow. Later they were acquired from the artist's heirs. In 1968, after his one-man show in Moscow, his most famous picture, "The Pomegranate Chaikhana" (Tea-room), was bought.

Alexander Volkov belongs to two cultures – Uzbek and Russian – and his name is well known to connoisseurs. His works are always on display at the Tretyakov Art Gallery, the Museum of Oriental Art, the Museum of Art of Uzbekistan, and the Art Museum of Karakalpakia in Nukus. They are shown at international exhibitions and are popular with collectors of fine art.

Russian by nationality, Alexander Volkov was born and lived and worked in Uzbekistan. However, he studied and matured as an artist at the three most important art centres – St. Petersburg, Moscow and Kiev. Among his tutors were such outstanding Russian artists as Vladimir Makovsky, Nicholas Roerich and Ivan Bilibin.

While in Kiev, the young artist was greatly impressed by the mosaics of St. Sophia and the murals by Mikhail Vrubel at the Church of St. Cyril. The spirit of Byzantium transformed by Vrubel in his mythical pictures made a great impact on Volkov and opened up new paths in his fine art work.

His acquaintance with the latest trends in modern French art, which he came into contact with through the private collections of Morozov and Shchukin in Moscow, as well as works by Russian avant-garde artists, which he perceived through the decorative art of the Orient, enabled Volkov to evolve his own inimitable artistic style. His cubist shifts of forms and futuristic approach to dynamic rhythms are vividly expressed by the artist in his cycle of "caravan" compositions.

Combining traditions of folk, or primitive art with Biblical subjects and Sufi motifs of the Eastern religions, Volkov created a series of pictures of a philosophical content expressing the mysterious nature of the Orient.

His poetic gift was also manifested in the cycles of verses written in the 1920s, and it can also be traced in his canvases devoted to people's life in, and the landscapes of, Turkestan. The introduction of musical rhythms in paintings enabled Volkov to express the strikingly bright features of Eastern life.

The wild pristine land, traces of ancient civilizations, and the patriarchal way of life of the native people – all this has enticed many European and Russian artists to make their "Pilgrimage to the Orient", but it was the natural environment for Alexander Volkov. His road was different – from the East to the West, and then back to the East. Perhaps, this road determined the characteristic features of his art, one that penetrated deeply into the life of the Orient.

The artist evolved his own artistic methods and manner that helped him create a rich variety of opulent, shining colours. They made Volkov the unsurpassed master of "The Pomegranate Chaikhana" – and an outstanding artist of the 20th century.

Tatyana Yermakova

Natalia Apchinskaya

THE COLOUR OF POMEGRANATE

Дедушка и внук. 1926
Бумага, темпера, лак
24×24
ГТГ

Grandfather and Grandson. 1926
Tempera and lacquer
on paper
24 by 24 cm
State Tretyakov Gallery

The invitation card shows Volkov's "Wedding" from 1927: a trumpeter in vivid red plays a triumphant, festive melody, forming a colourful trio with the two Uzbeks beside him, in blue and green. In the long row of faces, frozen in silent contemplation of the mysteries of Life, one may distinguish that of Volkov himself: second on the right, he has a more European air than the others.

Alexander Volkov spent virtually all his working life in Central Asia. His paintings and drawings borrow from Eastern, as well as Western artistic and spiritual traditions. Although his work cannot be said to belong to the Eastern school, he sought always to convey the matchless beauty of his native land. Through Volkov's paintings, we feel the epic power of Turkestan: bright, flaming colours and heavy textures bring to life the main elements in the Asian landscape, present in everything – earth and fire, born of the sun. Volkov's works of the end of the 1910s – early 1920s produce a stained-glass effect due to the combination of light and colour. His characters combine the energy of the earth with a quiet submission to the whims of fate and the ability to experience the fullness of being in a limited space.

Born in the town of Skobelev, now Fergana, Alexander Volkov was the son of a Russian army doctor and, so it was said, of a gypsy woman picked up as a young girl by his father's detachment. Travelling with the army, the artist's father took his family all over Turkestan. From an early age, the young Volkov learnt to admire the beauty of Central Asian landscapes and art: the Fergana valley in bloom, surrounded on all sides by his beloved mountains; the starkly majestic Turkmen deserts, vivid Uzbek and Turkmen pottery, embroidery and silks, and the "woollen canvases" of the unique Turkmen carpets.

Upon finishing his studies at Kiev's School of Art in 1916, Alexander Volkov moved to Tashkent. He would remain here for the rest of his life, making various trips outside, mainly within Central Asia. Combining art with teaching, Volkov showed himself to be an excellent pedagogue. He was also a gifted poet: although he seldom spoke or wrote about painting, the verses he composed served to express his creative attitude perfectly. Sergei Esenin, who visited Tashkent in the 1920s, was much impressed by Volkov's verse, and invited him to join the Imaginists.

Caravan I

The desert wind would always sing
 And camels always dream of Spring.
 I'll remember pitiful and sad
 The flower still burning in hot sand,
 The one in chains on the camelback
 Looks like an empty dusty sack.
 All this a desert mirage black
 Forever pictured on Earth's cracks.
 From everywhere the red metal sighs
 For wild call, for freedom signs,
 My eyes are filled with sand and smoke –
 Those companions whose mouths are closed
 And beauties young with sparkling eyes
 Reminded of golden breasts and thighs.
 And camels always dream of Spring
 The desert wind as always sings

1923

(translated by Natella Voiskounski)

Relatively constant in imagery, Volkov's art of the mid-1910s – early 1920s is extremely diverse in style. Refusing, by his own admission, to be a slave to any of the trends within contemporary Russian and European painting, the artist toyed with virtually all, from art nouveau to abstractionism, although never wholly departing from the world of real objects. Throughout all his experiments, he retained his own individual style. His main aim, at that time, being to create works which could be used in traditional Muslim architecture in the form of paintings, frescoes or stained glass, he constantly examined his efforts in the light of Central Asian art. Like Asian artists, he strove to understand the eternal workings of the visible world, using a European or, perhaps, a combined Asian

and European approach. Among the themes and images recurring throughout his entire oeuvre are the caravan – the "desert carnival", symbol of time's passing and of the sun's rotation; music, as Muslims, like the Ancient Chinese and Pythagoreans, were strong believers in its magical force, and the endless "debates" and "conversations" taking place in local *chaikhana*s, or teadrinking houses. As in the *sacre conversazioni*, or holy conversations, of Renaissance painting, Volkov's people converse with each other through their conversation with God. The mystical Muslim teaching of Sufism, then widespread in Central Asia, dwelt on man's individual communication with the Higher Being, largely through the use of narcotic drinks or other means, including poetry. Volkov's famous "Pomegranate Chaikhana" (1924) can justly be seen as the culmination of such "communication" from the 1910s and early 1920s. A profound reflection of Sufi spirit, this painting is also the most deep, striking and beautiful of Volkov's works from the point of view of colour. The composition is reminiscent of Rublev's "Trinity", although if icons, as Pavel Florensky wrote, are "the door, through which divine essences enter the visible world", in Volkov's canvases the real inhabitants of Turkestan perform a "silent zikr", "...gazing," as Saadi commented, "into the doorway of a different world." The vital sign denoting the proximity of this other universe is the luminiferous colour of pomegranate – a hue considered deeply spiritual by many world religions. In Volkov's painting, the colour is remarkable in force and intensity, resounding with the highest joy which man can experience.

In the mid-1920s Volkov, like many artists worldwide, began to focus on more worldly, "real" themes. Revisiting his previous topics, he now portrayed not spiritual leaders, but ordinary people, although the colour and diversity of their lives, indeed, the very basis of their existence, still derived from moral and

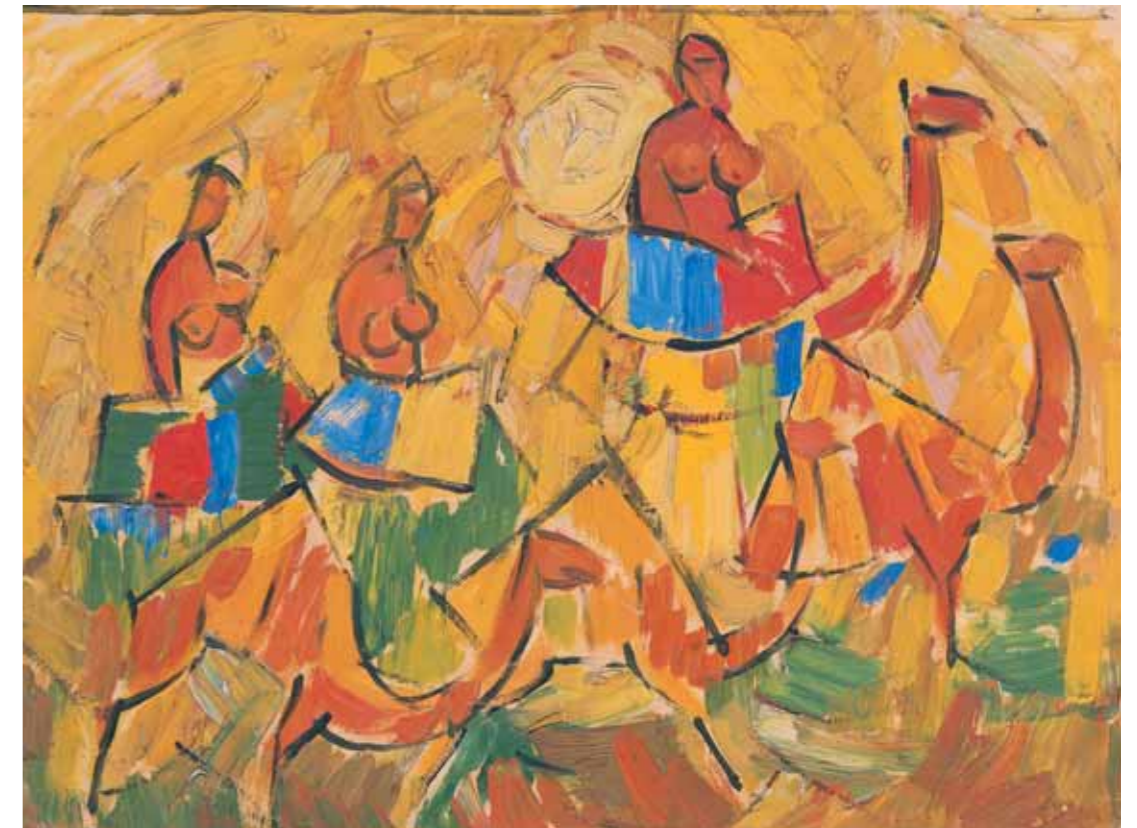
Караван I

Под гулкий бесконечный звон
 Несут верблюды вешний сон.
 Цветок, горящий на песке,
 Мне вспоминается в тоске.
 К горбу прикован кочевик,
 Сраженный солнцем он поник –
 Виденье черное пустыни
 На истлелой желтой глине.
 Роняя всюду медный стон,
 Плывет свободы дикий звон.
 Песок и дым, песок и дым
 Был мне сопутником немым.
 Разрезы глаз красавиц юных,
 Их грудь из слитков золотых.
 Несут верблюды вешний сон
 Под гулкий бесконечный звон.

1923

Александр Волков поселяется в Ташкенте, совершая оттуда поездки в основном в пределах Средней Азии. Занятия живописью он сочетал с преподаванием, к которому у него было явное призвание. Еще одним данным ему Богом талантом являлось стихотворчество. В течение всей жизни очень мало сказав в прозе о своем собственном искусстве, художник как бы создал в сотнях стихотворных строк его вполне адекватный поэтический эквивалент, высоко оцененный приехавшим в 1920-е годы в Ташкент Сергеем Есениным (вполне серьезно пригласившим автора в свой «цех имажинистов»).

В творчестве Волкова середины 1910-х – начала 1920-х годов при отнесенной повторяемости образных мотивов происходит, как в киноленте, постоянная смена стилевых приемов. Не будучи, по его словам, рабом того или иного направления современной русской и европейской живописи, он, похоже, прошел почти их все, не жертвуя при этом собственной индивидуальностью и постоянно соотнося созданное с произведениями национального искусства. Его главная цель в данный период состояла в создании работ, которые в виде станковых картин, витражей или фресок могли быть интегрированы в традиционную мусульманскую архитектуру. Так же как в азиатском искусстве, но европейскими, точнее, европейско-

Женщины на верблюдах. 1920
 Картон, масло
 38x53
 ГТГ

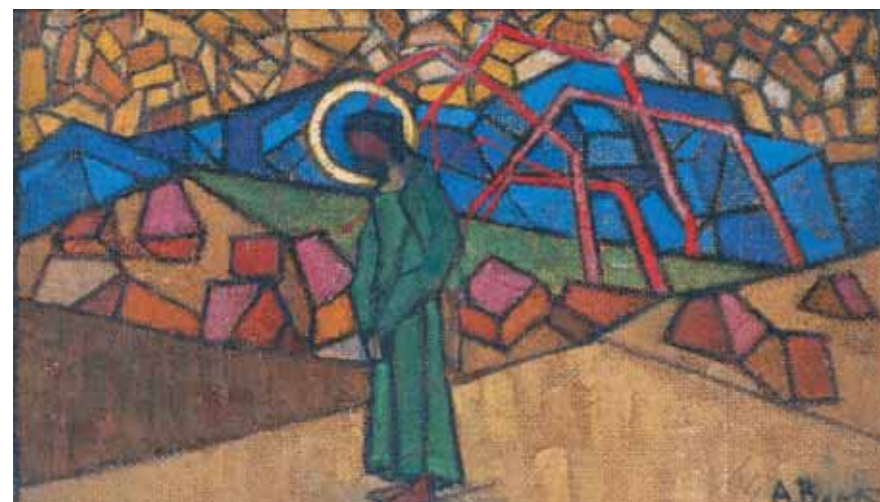
Women on Camelback.
 1920
 Oil on cardboard
 38 by 53 cm
 State Tretyakov Gallery

азиатскими средствами он стремился постичь непреходящие черты видимого мира. Наиболее характерные образные мотивы Волкова, которые проявятся потом во всем его творчестве, – караван, «пустыни карнавал» и одновременно символ движения времени и кругового вращения солнца; музицирование, поскольку мусульмане, подобно древним китайцам или пифагорейцам, верили в его магическую силу, а также многочисленные «беседы» и «общества», имевшие место, как правило, в чайханах. Как в «священных беседах» ренессансной живописи, разговор людей происходит у Волкова через разговор с Богом. Суфизм, религиозно-мистическое мусульманское учение, в те годы широко распространенное в Средней Азии, признавал индивидуальное общение человека с Богом. Кульминацией всех «бесед» 1910-х – начала 1920-х годов, высшим воплощением суфистской духовности и при этом самым глубоким и самым поразительным по красоте цвета произведением всего творчества Волкова стала знаменитая «Гранатовая чайхана» (1924). В ее композиционной схеме есть нечто общее с «Троицей» Рублева. Но если всякая икона, по утверждению П.Флоренского, являлась «дверью, через которую божественные сущности входят в видимый мир», то в полотне Волкова реальные обитатели Туркестана, словно совершая так называемый «тихий

зикр», сами, говоря словами Саади, «глядят в дверь иного мира». Важнейший знак этого неземного мира – светящийся гранатовый цвет, имевший символическое значение для многих мировых религий. В картине художника он звучит с несравненной силой, становясь воплощением высшей радости, которую может испытать человек.

С середины 1920-х годов творчество Волкова в соответствии с общей тенденцией развития мирового искусства поворачивается лицом к окружающей действительности. В его произведениях повторяются многие прежние темы, но героями становятся уже не духовные руководители народа, а простые люди, источником жизни которых и условием самого их существования остаются религиозно-нравственные устои. Возвращая своим персонажам жизнеспособность, Волков не делает их натуралистичными – в частности он по-прежнему передает общее, используя приемы неопрimitивизма, геометрического обобщения или гиперболлизации. Его герои, как и прежде, соединяют в себе мощь, порой заставляющую вспомнить персонажи его любимого Джотто, и кротость, ибо источником их силы остается духовное начало.

В 1920-е и в самом начале 1930-х годов в небольших по размерам и монументальных полотнах мастер дает широкую панораму народной жизни.

Обнаженная (полосатая). 1915
 Холст, масло
 68,5x21
 ГТГ

Nude (Striped). 1915
 Oil on canvas
 68.5 by 21 cm
 State Tretyakov Gallery

Христос в пустыне.
 1914
 Холст, масло, 24,5x41,5
 ГТГ

Christ in the Wilderness. 1914
 Oil on canvas
 24.5 by 41.5 cm
 State Tretyakov Gallery

religious ideals. In making his characters realistic, Volkov did not follow the principles of naturalism: through the use of neoprimitivism, geometric generalisation and hyperbole, he still strove to convey the general through the specific. As previously, his characters were at once powerful – reminiscent of his much-admired Giotto, even – and mild, their strength stemming from a spiritual source.

Throughout the 1920s and early 1930s, the artist produced a broad panorama of life in Central Asia. His large and small canvases from this period show bustling *kishlaks*, or Central Asian villages; blooming young girls and mothers with children, who can be seen

as symbols of Asia's growth; *chaikhanas*, where visitors not merely eat and drink, but, more importantly, go into a kind of spiritual trance; lovers chatting, tender yet calm, in Eastern fashion; potters, ploughmen, blacksmiths, camels being saddled, harvests gathered, folk celebrations in town squares, and, of course, countless musicians, bringing rhythm and melody into these lively, swirling scenes... However general the subject, Volkov always conveyed perfectly the emotional state of his various characters.

Deserving of special mention are the many, strikingly beautiful outline drawings and colourful watercolours created by Alexander Volkov in the 1920s and 30s.

In the early 1930s Volkov, like many of his colleagues, became fascinated by the rhythm and energy of the new era, with its ambitious infrastructure and industrial development. All around, new roads, factories and collective farms were springing up. In works such as "The Brick Making Factory", Volkov captured perfectly the atmosphere of these busy construction sites, which promised Central Asia a brighter future. The cultural politics of victorious totalitarianism proved at odds with some of the main values of Volkov's art, however, such as his avant-garde aesthetics and respect for Eastern religious and artistic traditions. The new critics' demands that he "re-forge" his painting led only to dullness and lifelessness – although eventually he succeeded in renewing and, thus, saving his art. His gouaches and watercolours, as well as his many oils of the 1930s, mainly small works, depart from social themes to show man as a part of nature. The space of his paintings broadens, the style becomes more picturesque, form is conveyed in free, dynamic brushstrokes and colour modulation. The existence of man is governed by the rhythm of nature, man being the spiritual focus of natural forces.

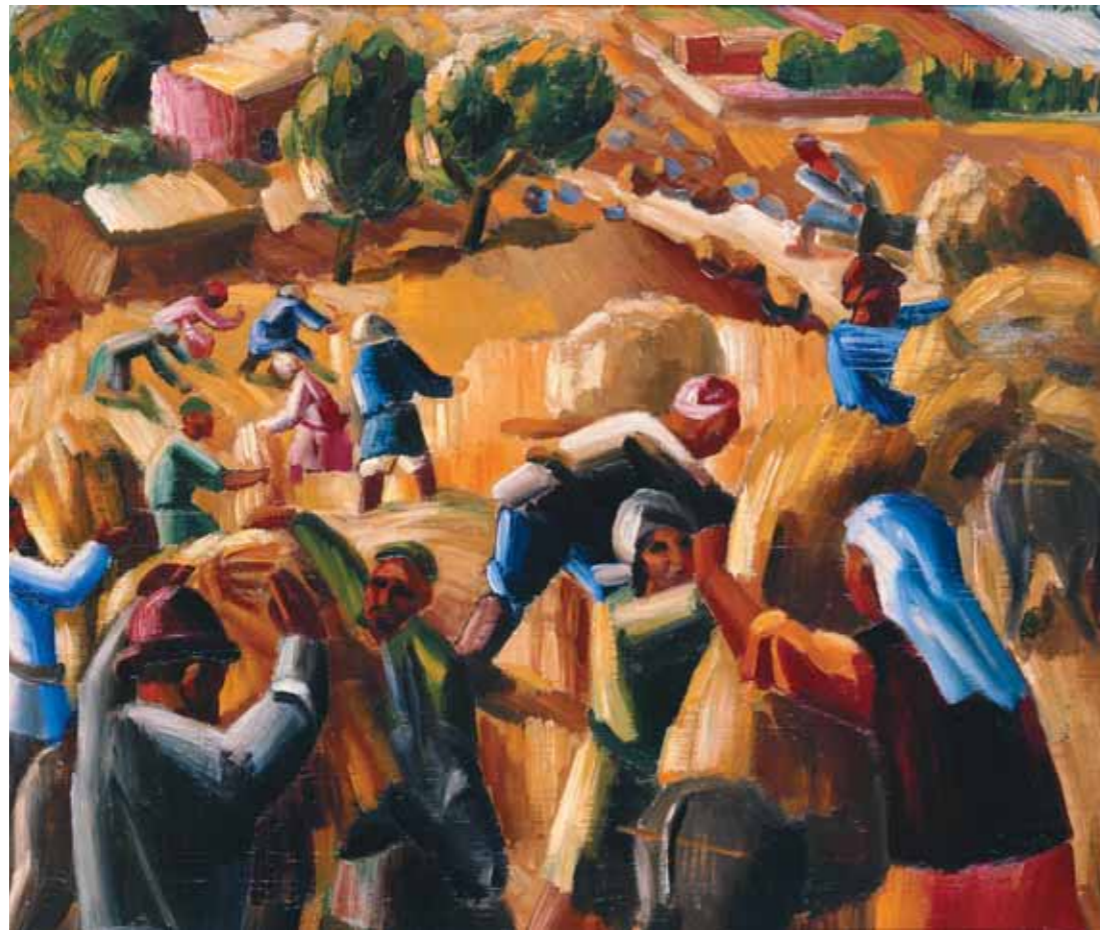
Looking back on world history, in his "To the Poets of Georgia", Sergei Yesenin wrote: "The mighty tribes in battle were plunged / Poets fought not amongst themselves." Alexander Volkov, who contrived, through his art, to unite East and West, was precisely one such poet.

Уборка хлеба в горах
(Сбор кукурузы). 1932
Картон, масло. 73×85
ГТГ

Mountain Harvest
(Reaping the Corn).
1932
Oil on cardboard
73 by 85 cm
State Tretyakov Gallery

Старый Ташкент.
1939–1940
Картон, масло. 58×64
ГТГ

Old Tashkent.
1939–1940
Oil on cardboard
58 by 64 cm
State Tretyakov Gallery

Девушки с хлопком.
1932
Холст, масло
68×97
ГТГ

Girls with Cotton. 1932
Oil on canvas
68 by 97 cm
State Tretyakov Gallery

Нельзя не сказать несколько слов также о волковской графике того же периода, о его многочисленных и поразительных по красоте и силе контурных рисунках и красочных акварелях.

В начале 1930-х годов художник, как и многие его собратья по цеху, был увлечен ритмами новой эпохи, размахом строительства: дорог, заводов, колхозов. Энергия всех этих строек, сулящих пробудить Азию к новой жизни, нашла отражение в целом ряде произведений, таких, например, как «Штурм бездорожья» или «Кирпичный завод». Однако культурная политика победившего тоталитаризма оказалась в равной степени направленной против главных ценностей волковского искусства – авангардистской эстетики и религиозно-художественных национальных восточных традиций. Призывы новой критики к «перековке» приводили лишь к омертвлению образов. Тем не менее Волков нашел в себе силы к обновлению и спасению своего искусства. В гуашах и акварелях 1930-х годов и в многочисленных картинах, в основном небольшого формата, он уходит от социальной тематики и показывает человека как часть огромного при-

родного целого. Пространство его произведений расширяется, стиль становится более живописным, форма строится свободно положенными динамичными мазками и модуляциями цвета, а существование человека подчиняется ритмам природы, оставаясь ее духовным средоточием.

В стихотворении «Поэтам Грузии» любимый художником С.Есенин писал, обозревая мировую историю: «Дрались сонмища племен, зато не ссорились поэты...» Творчество А.Н.Волкова, неразрывно соединившего Запад и Восток, – яркий тому пример.

Красный обоз. 1932
Холст, масло
140×175
ГТГ

Red Carts. 1932
Oil on canvas
140 by 175 cm
State Tretyakov Gallery

